

искусства. Нам кажется, что общая концепция А. Эффебергера по этому вопросу вполне приемлемая: до раздела империя превращался Рим, после — главную роль начинает играть Константинополь и Восточное Средиземноморье.

Памятники художественной культуры рассматриваемой эпохи просто необъятны (к тому же археология ежегодно пополняет их число). Поэтому перед всяким автором (как правило, стесненным объемом книги) стоит дилемма: что же включить в книгу, что опустить из того, что включено, что проанализировать, а что лишь упомянуть. У каждого автора на этот счет свои резоны. Наверняка были они и у А. Эффебергера. И все-таки нам не понятно, почему не нашлось места для некоторых памятников (в основном относящихся к последней, четвертой, в общем-то и так не очень богатой произведениями части). Так, не рассматриваются мозаики первой половины VI в. церкви Панагии Канакарии (Кипр) и мозаики середины этого века в церкви Святой Марии Формоза (в Пуле). Выпали из поля зрения А. Эффебергера и замечательные напольные мозаики (скорее всего, VI в.) Большого дворца в Константинополе, раскрывающие некоторые стороны светского искусства. В книге нет даже упоминания о хранящихся в Эрмитаже золотых вещах конца VI в. из Мерсины. Хотелось бы видеть в книге и такой ценный иконографический материал, как ткани (в первую очередь те, античные и библейские сюжеты на которых выполнены в технике резерважа).

Нам кажется, что у специалистов вызовут возражение предлагаемые А. Эффебергером датировки некоторых произведений, тем более что они, как правило, не аргументируются.

Укажу лишь некоторые. Комплекс в Типаса (Алжир) датирован автором «около 400 г.» (S. 326), в то время, как узловой памятник комплекса — базилика возведена в середине V в.

Росписи катакомбы Присциллы большинство считает памятником конца III — начала IV в., а у А. Эффебергера они датированы «приблизительно 280—290 гг.» (S. 49—50, 62). Стенопись синагоги в Дура Европос, скорее всего, выполнена около 240 г., по А. Эффебергеру — «около 241—256 гг.» (S. 85). Мозаики мавзолея Галлы Пладины автор датирует первой половиной V в. (S. 240, 242, 244), правильнее все же отнести их к середине этого столетия. Большинство специалистов склоняется к датировке мо-

заяк базилики св. Дмитрия в Салониках серединой VII в., по А. Эффебергеру (S. 325), их дата — 629—649 гг. Нам кажется неубедительной дата, предлагаемая А. Эффебергером для мозаик в куполе церкви св. Георгия в Салониках, — первая половина VI в. (S. 325), в то время когда все считают их выполненными либо в конце IV, либо в V веке. Киевскую икону «Святые Сергий и Вакх» автор относит «приблизительно к 600 г.» (S. 304, 330), хотя В. Н. Лазарев считал ее памятником конца VII—начала VIII в.

По мнению А. Эффебергера, костяная пластинка с изображением поэта и музы из кафедральной сокровищницы в Монце датируется «около 500 г.» (S. 308), но большинство специалистов отодвигает ее дату к 530—550-м годам. Березовское блюдо из Эрмитажа с ангелами и крестом — памятник не середины VI в., как думает автор (S. 309), а конца этого столетия. Для серебряной мощехранилища из Херсонеса (у А. Эффебергера — «из Херсона», S. 303), обычно датируемой серединой VI в., вряд ли возможна предлагаемая автором дата — 527—565 гг. Традиционная датировка эрмитажного серебряного блюда с Констанцием II — конец IV в. — нас устраивает больше, чем у А. Эффебергера — «350—360 гг.» (S. 190, 193).

Пользуясь случаем, выскажем свои соображения относительно интерпретации двух фигур на двух памятниках константинопольской скульптуры V в. На одном из них (рис. 159), в сцене состязаний на колесницах, правая фигура, полагаем, изображает не второго погонщика, как считает А. Эффебергер, а судью, следящего за правильным исполнением поворота. На известной стеле «врача Иоанна» (рис. 154) с изображением Моисея, получающего скрижали, левую мужскую фигуру (очень похожую на правую — Моисея) принимали за Моисея, удаляющегося с Синая, или за его сопровождающего — Иисуса Навина. По нашему мнению, она представляет Моисея, испугавшегося бога, чье появление сопровождалось колебаниями земли, раскатами грома, блеском молний, гулом и дымом.

Научная и познавательная ценность книги д-ра А. Эффебергера несомненна. Среди работ последних лет на эту тему она займет достойное место. Книга оформлена со вкусом и с полиграфической точки зрения исполнена почти безупречно.

А. П. Каюков

Catena Graecae in Genesim et in Exodum. II: Collectio Coisliniana in Genesim / Edita a Françoise Petit // Corpus Christianorum. Series Graeca. Vol. 15. Turnhout; Brepols, 1986. CXIX+308 p.

Данное издание является вторым томом публикации Ф. Пти греческих катен на книги «Бытие» и «Исход». Первый том вышел в 1977 г. и содержал так называемые «Синайские катены», отражающие, по классификации Г. Каро и И. Литц-

манна, типы I—II рукописей соответствующих катен¹. Настоящий том отражает тип III этих рукописей, наиболее полно представленный в одном из манускриптов Коаленовского собрания (Coislin 113). Отличие этого типа от двух дру-

¹ *Catena graecae in Genesim et in Exodum. I: Catena Sinaitica / Edita a F. Petit // Corpus Christianorum. Series Graeca. Turnhout; Brepols, 1977. Vol. 2.*

гих заключается в том, что в основу его положены «Вопросы» Феодорита Киррского. Составитель данных катен ставил себе целью разъяснить экзегетическую позицию Феодорита, сравнивая его толкования с толкованиями предшествующих и современных ему христианских авторов. Ф. Пти оценивает это предприятие анонимного компилятора следующим образом: «этот труд, честный и искусный, заслуживает того, чтобы быть опубликованным ради него самого» (р. XIX). Поскольку «Вопросы» Феодорита недавно увидели свет в критическом издании Н. Ф. Маркоса², то Ф. Пти опускает в своем издании фрагменты данного сочинения.

Как отмечает Ф. Пти (р. XX—XXVIII), «Коаленовские катены», помимо самого Коаленовского манускрипта IX—X вв., представлены еще двумя рукописями: Флорентийской IX в. и Мюнхенской X в.; имеется и ряд копий эпохи Ренессанса. Издатель подробно останавливается на этих копиях и делает обширный экскурс в историю издания «Вопросов» Феодорита Киррского (р. XXIX—XXIV). В целом, катены типа III были широко распространены и насчитывается более 30 манускриптов его. Из них Ф. Пти избирает 10 основных, которые им подробно рассматриваются и описываются (р. XXVI—XXCVI). Все рукописи им классифицируются и определяется их стемма. Особое место в рукописной традиции занимает московская рукопись X в., хранящаяся ныне в Государственном Историческом музее (Владимир, 28), которую привез в Россию с Афона в середине XVII в. монах Арсений Суханов и которая комбинирует в себе различные типы катен (р. XXV—XXVI).

Что касается авторов, включенных в изданные «Коаленовские катены», то их 14. Они суть следующие (в хронологическом порядке): Ориген — 4 фрагмента, Евстафий Антиохийский — 2 фрагмента, Евсевий Кесарийский — 1 фрагмент, Акакий Кесарийский — 12 фрагментов, Василий Великий — 11 фрагментов, Григорий Богослов — 1 фрагмент, Диодор Тарский — 59 не вызывающих сомнения фрагментов, 7 вероятных и 4 сомнительных, Григорий Нисский — 1 фрагмент, Иоанн Златоуст — 9 фрагментов, Севериан Гавальский — 10 фрагментов, Феодор Мопсуестийский — 17 фрагментов, Исидор Пелусиот — 10 фраг-

ментов, Кирилл Александрийский — 2 фрагмента и Геннадий Константинопольский — 55 фрагментов; кроме того, в собрание включены выдержки из «Гексаплы» Оригена и несколько фрагментов неизвестного происхождения. Ф. Пти там, где это возможно, идентифицирует фрагменты, указывая на конкретные произведения, из которых они заимствованы; он также отмечает несомненную связь традиций катен с «Комментарием на Октоех» Прокопия Газского (р. XCVI—CVI).

Судя по подбору авторов, компилятор стремился быть объективным и включил в свое собрание выдержки из творений представителей как антиохийской, так и александрийской школ. Однако, несомненное преобладание антиохийцев в этих катенах отражает симпатии компилятора к антиохийской экзегезе. Помимо Феодорита Киррского (выдержки из которого, как говорилось, опущены в рецензируемом томе), он ориентируется преимущественно на Диодора Тарского и Геннадия Константинопольского. В лице Феодорита Киррского, отвергающего крайности и буквализма, и аллегоризма, антиохийская и александрийская школы в определенной степени сблизились³, но это сближение наблюдается уже и у предшественника Феодорита — Диодора Тарского⁴. Именно в русле данной умеренной традиции, видимо, и находится составитель «Коаленовских катен». Ф. Пти не касается проблемы датировки их, но, поскольку последний из включенных авторов — Геннадий Константинопольский — умер в 471 г., то возможно предположение, что и неизвестный компилятор составил свой труд в конце V — начале VI в. Можно сделать и более рискованное предположение, что этот компилятор был как-то связан с монахами-«акимитами» или являлся одним из них. По свидетельству «Церковной истории» Псевдо-Захария, данные монахи (число которых было около 1000), пользуясь покровительством патриарха Македония Константинопольского (496—511), активно изучали книги «школы Диодора и Феодора». И сам Македоний цитаты (χρῆσεις) из них и из сочинения об актах (πεπραγμένα) собора, не переведенных на сирийский язык⁵, собрал в одну книгу, украсил ее золотом и говорил: «...это — отцы святые и учителя церкви»⁶. В догматической борьбе вто-

² *Theodoriti Cyrensis Quaestiones in Octateuchum* / Ed. N. F. Marcos, A. Senz-Badillos // *Textos y estudios «Cardenal Cisneros»*. Madrid, 1979. Vol. 17; *Theodoretii Cyrensis Quaestiones in Reges et Paralipomena* / Ed. N. F. Marcos, J. R. Busto Saiz. *Textos y estudios «Cardenal Cisneros»*. Madrid, 1984. Vol. 32.

³ См.: *Глубоковский Н.* Блаженный Феодорит, епископ Киррский. М., 1890. Т. 2. С. 5—70.

⁴ *Фетисов Н.* Диодор Тарский: Опыт церковно-исторического исследования его жизни и деятельности. Киев, 1915. С. 315—320.

⁵ Речь идет, скорее всего, о послании Феодорита Киррского к Иоанну Эгейскому, представляющему собой апологию Халкидонского собора. См.: *Болотов В. В.* Рец. на кн.: *Глубоковский Н.* Блаженный Феодорит, епископ Киррский. М., 1890. Т. 2 // *Христианское Чтение*. 1892. С. 113—114. Также см.: *Richard M.* Opera Minora. Turnhout; Brepols, 1976. N 48. P. 416—423.

⁶ *Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor* / Hrsg. von K. Ahrens und G. Krüger. Leipzig, 1899. S. 119—121.

рой половины V—первой половины VI в. монастырь «Неусыпающих» являлся центром оппозиции монофиситству и всяким промонофиситским симпатиям в Константинополе. У Евагрия Схоластика сохранились известия, что игумен этого монастыря Кирилл всячески побуждал папу Феликса III к противодействию униональной политике императоров Зинона и Анастасия; в том же духе действовал и Симеон — представитель «акимитов» в Риме⁷. Не лишена вероятности догадка, что на мировоззренческом уровне многие «неусыпающие» поддерживали то течение в византийском православии, которое у современных исследователей получило наименование «строгого халкидонизма». Представленное такими мыслителями как Феодорит Киррский (в поздний период своей деятельности), Геннадий Константинопольский, Василий Киликийский (ошибочно причисляемый патриархом Фотием к несторианам), Ираклиан Халкидонский и, возможно, Ипатий Ефесский, данное течение развивало традиции антиохийской христологии внутри ортодоксального лагеря и отличалось этим от «неохалкидонизма», ориентированного больше на традицию александрийской христологии⁸, хотя различие этих течений и не следует преувеличивать. Подобная догадка усиливается тем фактом, что патриарх Македоний, покровитель «акимитов», также поддерживал «строгий халкидонизм»⁹.

Если бы оправдалась наша гипотеза о связи анонимного компилятора «Коаленовских катен» с монастырем «Неусыпающих», то это пролило бы свет и на «культуртрегерскую» деятельность данного монастыря во второй половине V—начале VI в. Но пока подобная гипотеза остается чистым предположением: лишь самое тщательное изучение изданных катен может подтвердить (или, наоборот, снять) ее. Но во всяком случае, широкое распространение катен является свидетельством того, что традиция антиохийской экзегезы не умирала в Византии. А если учитывать тот факт, что эта традиция (отчасти посредством Нисивинской школы) сыграла определенную роль и формировании культуры средневекового Запада¹⁰, то значение ее в культурно-историческом аспекте еще более возрастает. И рецензируемое издание вкладывает свою лепту в изучение немаловажного аспекта деятельности антиохийской школы. Несомненно, что оно привлечет внимание не только историков позднеантичной и византийской культуры, но и историков философии (проблемы космологии и антропологии широко трактуются в катенах), и филологов (метод подхода древних христианских авторов к тексту и вопросы герменевтики).

А. И. Сидоров

⁷ The Ecclesiastical History of Evagrius / Ed. by J. Bidez. L., 1898. P. 117—120.

⁸ Moeller Ch. Le chalcédonisme et le neo-chalcédonisme en Orient de 451 à la fin du VIe siècle // Das Konzil von Chalkedon; Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von A. Grillmeier und H. Bacht. Bd. 1. Würzburg, 1951. P. 652—666; Gray P. T. R. The Defense of Chalcedon in the East (451—553). Leiden, 1979. P. 80—89.

⁹ Richard M. Le Neo-chalcédonisme // Melanges de Science Religieuse. 1946. Vol. 3. P. 161.

¹⁰ Kihn H. Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus als Exegeten. Friburg im Br., 1880. S. 215—464; Laistner M. L. W. Antiochene Exegesis in Western Europe during the Middle Ages // The Harvard Theological Review. 1947. Vol. 40. P. 19—31.